

ОТЗВУКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

УДК 947
ББК 63.3

Л. В. ФАДЕЕВА
(Москва)

СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Аннотация. В статье события Первой мировой войны рассматриваются сквозь призму семейных воспоминаний. На примере материалов из семейного архива Шатиловых — Костомаровых ставится вопрос об актуальности исследования автобиографических записок как важного культурно-исторического источника.

Ключевые слова: семейная память, автобиографический нарратив, Первая мировая война (Великая война).

О притягательности семейной истории как «модификации и вместе с тем параллельного варианта осмысливания исторического процесса, размеченного известными событиями и личностями», пишут многие исследователи [Разумова 2001, 303]. К этому можно добавить, что семейная история не просто стремится соотнести с известными событиями и личностями. Она часто демонстрирует свою живую включенность в событие и непосредственный контакт с людьми, навсегда ставшими знаковыми персонами эпохи. Именно благодаря семейным воспоминаниям исторические факты перестают быть отдаленными, абстрактными величинами, а имена исторических деятелей обретают плоть и кровь.

Исследователи, обращавшиеся к изучению семейной памяти во всем многообразии повествовательных форм — как устных, так и письменных, — в которых она реализуется, обычно исходят из идеальной модели семьи как единого и неделимого целого, внутри которого проходит естественная межпоколенная передача традиционных текстов. Такое рассмотрение механизмов бытования семейных исторических нарративов — а к ним может быть отнесен любой рассказ о прошлом, данный сквозь призму пережитого семьей, вне зависимости от степени выраженности в нем индивидуальной точки зрения рассказчика как очевидца и участника события — максимально приближено к рассмотрению фольклорной трансмиссии. Да и в целом семейные исторические рассказы, как правило, интересуют в свете изучения *семейного фольклора* [Там же, 8—30].

Однако воспоминания, с которыми довелось соприкоснуться мне в процессе изучения собственной семейной истории, как оказалось, не вписывались в образцовую схему непрерывно развертывающегося семейного предания. Причина тому опять же историческая, ведь в нашем роду автобиографические записи выступали одним из важных средств восстановления внутрисемейных связей, разорванных в ходе социальных потрясений XX в. Так, воспоминания, написанные в конце 1960-х — начале 1970-х гг. во Франции, попали в руки московских родственников-мемуаристов лишь спустя десятилетия и читались как подлинные исторические документы.

Знакомство с автобиографическими текстами людей, оторванных от семьи событиями революции и Гражданской войны, оказавшихся в эмиграции и постепенно лишившихся возможности даже редкой переписки с теми, кто оставался на родине, позволило иначе

посмотреть на многие события отечественной истории, которые мы привыкли видеть под определенным углом зрения. Касается это и Первой мировой войны, о которой, как теперь становится понятно, в России вообще знают очень мало.

Когда я повстречалась со своими парижскими родственницами, одно из исторических недоразумений, которое мы с ними обсуждали, как раз и было связано с памятью о Великой войне. Мои собеседницы заметили, что в России, в отличие от Франции, нет связанных с этим событием памятных дат. Упрек был справедлив, но и ответить на него можно было многое. Хотя бы то, что только благодаря изучению истории семьи я узнала, что патриотический подъем, сопровождавший начало Первой мировой войны, побудил русское общество дать этой войне имя *Великой* и подтолкнул к участию в ней многих не подлежащих призыву молодых людей. Школьный курс истории в свое время крепко вбил в наши головы оценку Первой мировой как империалистической бойни, выгодной крупным державам и крепким монополиям и совершенно неоправданной с позиций здравого смысла. Полагаю, что в массовом сознании эти оценки удерживаются до сих пор. Кроме того, есть еще одна, на мой взгляд, вполне объективная причина низкого интереса российского общества к событиям Первой мировой войны. В сознании людей она оказалась вытеснена двумя революциями и Гражданской войной, которые затронули не только участников боевых действий и их близких, но и перевернули всю страну и привели к гораздо более многочисленным и кровавым жертвам.

Заполнить пробел в своих представлениях об истории начала XX в. и в частности о Первой мировой войне я смогла в том числе и с помощью воспоминаний, оказавшихся в моих руках за последние несколько лет¹. Так случи-

лось, что многие представители старшего поколения нашей семьи (использую это понятие в широком смысле, с учетом родовых связей на уровне пра-прабабушек и пра-прадедушек) в какой-то момент брались за создание мемуаров. Причины, побуждавшие писать, были разными, а потому и родившиеся тексты совершенно не похожи друг на друга и по духу, и по способу изложения пережитого².

Признаюсь, что и впечатления от прочитанного легли на очень неоднородную основу. С одной стороны, в сознании были полуанекдотические

хиве мужа мемуаристки, П. Н. Шатилова, в Колумбийском университете).

² Сразу выведем за пределы своего рассмотрения самый значительный исторический документ, созданный, если можно так выразиться, в недрах нашей семьи. Речь идет о воспоминаниях генерала Павла Николаевича Шатилова (13.11.1881 — 5.05.1962), сыгравшего заметную роль в истории Белого движения. И дело не только в том, что мне известна лишь малая, опубликованная часть этих воспоминаний, касающаяся истории семьи Шатиловых — Герарди, а также детских и юношеских лет мемуариста [Шатилов 1965, Шатилов 2010]. Настоящая причина заключается в моем интересе к сугубо личной точке зрения на историю, наблюдениям частного человека. Воспоминания же Павла Николаевича — участника Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, друга и соратника барона П. Н. Врангеля; в Добровольческой армии и ВСЮР начальника 1-й конной дивизии, командира 3-го и 4-го корпусов, начальника штаба (в 1919 — начале 1920 г.); в Русской Армии Врангеля помощника Главнокомандующего (с 22 марта 1920 г.) и начальника штаба (с 21 июня 1920 г.), одного из организаторов крымской эвакуации; в эмиграции члена Русского общевоинского союза (в 1924—1934 гг. начальника 1-го отдела РОВС) — написаны как свидетельство военачальника и общественного деятеля и являются частью большой истории России. Это документ, который, вероятно только в силу определившихся в последние десятилетия приоритетов отечественной исторической науки в оценке Гражданской войны, еще не удостоился комментированной публикации специалиста. С начала XXI в. архив генерала П. Н. Шатилова в Колумбийском университете является открытым для работы источником и ждет внимательного и объективного исследователя и публикатора (см.: URL: <http://clio.columbia.edu/catalog/4078060>).

слухи, отчасти вызванные нелюбовью демократических слоев общества к семье правящего монарха, а отчасти подпитываемые антигосударственной пропагандой, весьма активной в годы той войны. Память об этих слухах сохранилась во многих семьях до сих пор. Замечу, что для авторов воспоминаний, которые мне довелось прочитать и о которых далее пойдет речь, этих слухов словно и не существовало. С другой стороны, была художественная литература, в том числе и питавшаяся духом русской эмиграции. И в этом смысле воспоминания, особенно если их писала женщина, отзывались строчками бунинского рассказа «Холодная осень». Обращаю на это внимание, поскольку переживаемое моими близкими и мною погружение в семейную историю очень красноречиво свидетельствует о том, в каком сложном, неоднородном культурном контексте, вплоть до включения в него художественного вымысла, бытуют сегодня семейные воспоминания.

Если же говорить о результатах этого процесса, то ярким примером может стать книга московского историографа семьи Шатиловых — Костомаровых, физика и математика, академика РАН Д. П. Костомарова (23.03.1929 — 09.08.2014), написавшего цикл очерков «В ряду поколений». Не имея возможности останавливаться на этой во всех смыслах замечательной семейной хронике подробно, отмечу лишь, что автору удалось удачно соединить в своей книге устную память семьи — рассказы бабушки, Юлии Павловны Костомаровой (урожд. Шатиловой), а также отца, Павла Дмитриевича Костомарова, и его сестры, Варвары Дмитриевны Скворцовой, воссозданные с помощью семейного фотоальбома, и память письменную — воспоминания старшего брата отца, Виктора Дмитриевича Костомарова, с 1921 г. жившего в Париже [Костомаров 2007, Костомаров 2011]. Полагаю, что последний источник, хотя и не известный Д. П. Костомарову в полном объеме (о чем он сам свидетельствует на страницах своей книги [Костомаров 2011, 134]), не просто добавил фактов его повествованию. Непредвзятый и свободный от политических пристрастий взгляд его дяди — человека, навсег-

да оторванного от самых близких людей и спустя годы с горькой иронией отнесшего себя к тем офицерам, которые «вместо того чтобы вернуться к своим семьям, пустились в приключения» [Рук. Л. 33]³, вызывает безусловное доверие.

* * *

Воспоминания Виктора Дмитриевича Костомарова (17.12.1897 — 19.07.1971), который приходился двоюродным братом моему прадеду, были написаны в самом начале 1970-х гг., незадолго до смерти мемуариста. Они охватывают значительный период — с конца 1900-х гг., когда отец Виктора Дмитриевича, военный инженер Дмитрий Коронатович Костомаров, получил назначение на Кавказ и десятилетний мальчик совершил свое первое осознанное путешествие с матерью, сестрой и братом из Финляндии во Владикавказ, а затем и в Карс⁴, до начала 1920-х, когда молодой офицер в рядах возглавляемой бароном П. Н. Врангелем Русской Армии навсегда покинул Россию и перебрался во Францию.

Свои мемуары В. Д. Костомаров писал для дочерей и внуков, на что указывает многое. Воспоминания написаны по-французски (его дети не знали русского языка, только младшая дочь, Женевьев, уже став взрослой, исправила эту « ошибку » и занялась изучением родного языка своего отца). Красноречив и тот факт, что Виктор Дмитриевич довел свои мемуары до начала 1920-х гг., то есть до момента своего приезда в Париж. Ведь об этом периоде его жизни никто, кроме него, не мог рассказать близким. Но самое главное — у рукописи В. Д. Костомарова есть посвящение. На титульном листе значится: «Pour Maman». В этих словах содержится точная адресация воспоминаний единственной замужней дочери мемуариста Элен, матери четверых детей, которые

³ Здесь и далее фрагменты воспоминаний В. Д. Костомарова цитируются в переводе К. С. Кемовой. Отсылки даются на страницы экземпляра рукописи, который находится в моем домашнем архиве.

⁴ Город на востоке Турции, завоеванный русскими в 1855 и в 1877 гг. С 1878 по 1917 г. входил в состав Российской империи и был важным стратегическим центром русской армии в этом регионе.

должны были узнать историю своего русского дедушки. Всё это подчеркивает семейный характер текста, писавшегося постепенно, в беседах с женой, взявшей на себя труд по редактированию французской рукописи мужа.

Записки представляют собой непрерывное, выстроенное в хронологической последовательности описание событий частной жизни, которые постоянно соотносятся с тем, что происходило в стране. Рассказы о близких, примечательные эпизоды из жизни старших членов семьи — отца, матери, ее братьев и сестер, забавные проделки кузенов и кузин — всё это оставляет ощущение большой, крепкой и дружной семьи. Иногда впечатления юноши комментируются с позиций временной дистанции. Это касается прежде всего войн и революций, для осознания которых действительно необходимо расстояние. Однако мемуарист не берет на себя роль всё понимающего и во всем разобравшегося человека. Напротив, его комментарий — нередко лишь повод для новых вопросов и размышлений.

События Первой мировой войны занимают в записках значительное место, что не случайно. На период войны пришлась юность Виктора Дмитриевича. Происходивший из династии военных и по линии отца и по линии матери, он не мог не думать о военной карьере. Слушатель Николаевского инженерного училища, в котором когда-то учились его дед и отец, он готовился стать офицером. Годы Первой мировой были годами его учебы, а незадолго до поспешного выхода России из войны началась его служба в действующей армии.

В воспоминаниях В. Д. Костомарова нет «головокружения от успехов» русской армии, в ряды которой он готовился встать. Напротив, он много говорит о тех трудностях, с которыми столкнулись на фронтах кадровые военные, в мирное время зарекомендовавшие себя как талантливые и перспективные офицеры:

...На самом деле война начиналась с масштабного разгрома России. Ситуация была такова: план генерального штаба состоял в том, чтобы захватить Восточную Пруссию. Для этого были сфор-

мированы две армии — Ренненкампа⁵ и Самсонова⁶ (оба генерала отличились в Русско-японской войне, а Самсонов по первому разряду окончил военную академию). Ренненкампф решительно повел армию вперед, его кавалерия дошла даже до Кенигсберга. Самсонову оказалось сложнее двинуться с места, однако удалось пройти немного вперед.

Гинденбург, командовавший немецкой армией, прорвал клин между двумя русскими армиями. Ренненкампфу удалось сохранить армию невредимой, а Самсонову, завязшему в болотах Мазурии, не хватило времени, чтобы высвободиться из немецких тисков — вся его армия попала в плен, включая мужа Аси⁷. Она попыталась найти утешение в этой новости, говоря, что, по свидетельству очевидцев, его батарея держалась до последнего. Что касается Самсонова, он покончил жизнь самоубийством.

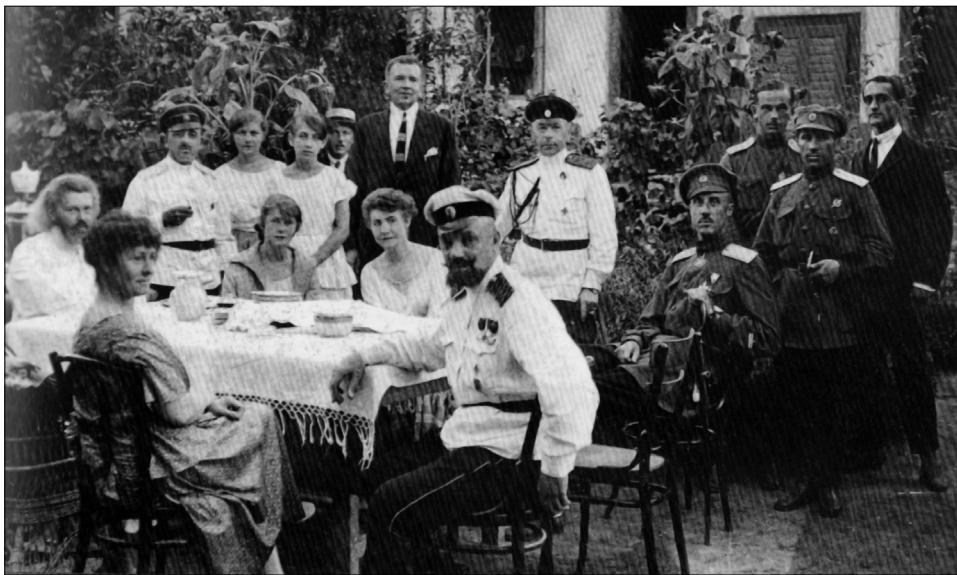
Такая же ситуация чуть было не произошла на Кавказском фронте, и только чудом, благодаря помощи святого Николая — так в ту пору говорили русские, — удалось ее предотвратить. Когда Турция объявила войну, турецкая армия начала наступление в направлении Тифлиса. Преподник моего дяди⁸, вернувшись с фронта,

⁵ Павел Карлович фон Ренненкампф — генерал, герой Русско-японской войны. В начале Первой мировой войны был назначен командующим 1-й армии Северо-Западного фронта и нанес поражение 8-й германской армии под Гумбиненом в Восточной Пруссии. В связи с выходом германского корпуса из окружения во время Лодзинской операции снят с должности командующего 1-й армией в ноябре 1914 г. За отказ сотрудничать с Красной армией был убит красногвардейцами в ночь с 31 марта на 1 апреля 1918 г.

⁶ Александр Васильевич Самсонов — генерал, участник Русско-японской войны. В начале Первой мировой войны командовал 2-й армией, в ходе Восточно-прусской операции 1914 г. потерпевшей поражение и попавшей в окружение. Застрелился при выходе из окружения.

⁷ Анна Семеновна Балабина (урожд. Фадеева) — двоюродная сестра В. Д. Костомарова, дочь генерала С. А. Фадеева и О. П. Фадеевой (урожд. Шатиловой). Из воспоминаний В. Д. Костомарова следует, что ее муж, Б. Н. Балабин, перед войной проходил стажировку в артиллерийской академии в Петербурге.

⁸ Дядя В. Д. Костомарова, генерал Николай Павлович Шатилов, занимал должность

На фотографии, сделанной по случаю приезда в Сремские Карловцы (Сербия) к главнокомандующему генералу П. Н. Врангелю генерала от инфантерии А. П. Кутепова, есть оба мемуариста, о которых идет речь в статье. За столом, рядом с А. П. Кутеповым, сидит Софья Федоровна Шатилова, а справа в штатском стоит Виктор Дмитриевич Костомаров. 1922 г. (?). Фото из книги Андрея Корлякова «Великий русский исход. Европа» (Paris: YMCA-PRESS, 2009), изданной в серии «Русская эмиграция в фотографиях. 1917—1939»

объявил: «Турецкая армия наступает, спасайся кто может!». Город охватила паника. Между тем один «непризнанный гений», командир пехотной бригады, по собственной инициативе маневрировал настолько хорошо, что создал угрозу для турецкого тыла. Турецкую армию охватил страх, и она отступила. Тифлис и Карс были спасены. Командир стал национальным героем и получил звание генерал-лейтенанта. Что касается преемника дяди, тот был уволен. Он был блестящим офицером в мирное время [Рук. Л. 19—20].

Очевидно, что неудачи преследовали русскую армию. Об этом близкие Виктора Дмитриевича знали не понаслышке: в семье, среди друзей и знакомых воевали многие. Вот как он

помощника наместника на Кавказе по военной части до 24 декабря 1913 г., когда был назначен членом Государственного Совета и переведен в Петербург. Его преемником стал генерал Александр Захарьевич Мышилаевский, после вступления в войну Турции назначенный помощником главнокомандующего Кавказской армией графа И. И. Воронцова-Дашкова. После неудачных действий под Сарыкамышем А. З. Мышилаевский был отправлен в отставку.

описывает, что происходило на фронтах год спустя:

Лето 1915 года было неудачным для русской армии. В начале войны мы продвинулись в Галиции до Карпатских гор. Русские встречали на своем пути только австро-венгерских солдат, которые были, в основном, славянского происхождения и не проявляли никакого воинственного духа. Весной 1915 года немцы сформировали армию под командованием генерала Макензена. Он прорвал русский фронт в Карпатах. Так начался исход русских с завоеванной территории. Это продолжалось всё лето и сопровождалось постоянными боями.

13-й гренадерский полк⁹, расквартированный рядом с Тифлисом и имевший очень хорошую репутацию на Кавказе, был задействован в боях. У нас был дальний родственник, который служил в этой части. Последнее, что осталось в его памяти, — обезумевший человек, метавшийся по окопу с револьвером в руке. Плотник моего кузена Кузнецов был ранен в этом сражении и подобран немцами.

⁹ Возможно, 13-й лейб-grenadierский Эриванский полк, понесший большие потери на Западном фронте в этот период.

На кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа у могилы, где похоронены генерал Павел Николаевич Шатилов, его мать Мария Петровна Шатилова, жена Софья Федоровна Шатилова и помощник Иван Максимович Ерофеев (на надгробии значится «Верный друг семьи Шатиловых»), стоят Жизель и Женевьев Костомаровы и Ольга Фадеева. Август 2011 г.

На польском фронте результаты были не лучше. Все крепости падали как карточные домики. Варшава была оставлена. Фронт стабилизировался только на западной Двине. Начинали появляться первые симптомы беспомощности правительства, что позже привело к революции [Рук. Л. 22–23].

Постоянное возвращение мемуариста к событиям, происходившим или непосредственно на Кавказе, или с частями, расквартированными там до и во время войны, вполне естественно: все его близкие в течение не одного десятилетия были связаны с этими местами. Его дед, генерал Павел Николаевич Шатилов (старший), воевал здесь во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и получил награду за взятие крепости Карс. В начале 1890-х гг. в Карсе, в доме моего прапрадеда генерала Семена Андreeвича Фадеева, коменданта крепости, познакомились родители Виктора Дмитриевича. Позднее его отец возвратился в эту крепость, получив назначение на должность начальника ее инженерной части. Думаю, хотя Виктор Дмитриевич родился в Польше, в период службы отца в Новогеоргиевской крепости,

своим домом он считал все-таки Карс, в котором семья жила с 1909 до начала 1917 г. Не случайно, описывая позднее тифозный ужас Гражданской войны, он будет говорить о себе и своих товарищах как об «уважающих себя уроженцах Востока» (*«en bons orientaux qui se respectaient»*), нечувствительных к подобным страхам [Рук. Л. 36].

Стремительное развитие событий — и на фронте, и в тылу — постоянно ощущается в записках В. Д. Костомарова, хотя естественно, что в силу своего возраста он с удовольствием пишет о том, что происходит в семье, как складываются его взаимоотношения с тетушками, кузенами и кузинами, оставшимися в Петербурге. Развитый контраст мирной и военной жизни — одна из ярких особенностей Первой мировой войны, подмеченный мемуаристом.

При этом он наглядно показывает, как меняется распорядок жизни в первые недели войны. Летняя дачная идиллия какое-то время продолжается по инерции, но даже вернуться в столицу после каникул оказывается не так-то просто. Поездка из Тифлиса в Петербург описана как настоящее приключение

ние. Пройдет еще немного времени, и дорожные трудности станут основным мотивом жизни Виктора Дмитриевича. Но пока создается впечатление, что всё потихоньку успокаивается и быт территорий, не затронутых войной, возвращается в свою колею.

...О том, что Германия объявила войну России, мы узнали в Абастумани. Мы были ошеломлены. На тот момент для нас это ничего не меняло, но можно было представить, сколько родственников уедет <в действующую армию>. Больше всего опасность угрожала мужу Аси, который проходил артиллерийскую подготовку в дивизии как раз на границе с Германией.

Тем не менее мы остались в Абастумани до истечения срока аренды и вернулись затем в Тифлис. Передо мной стояла задача добраться до Санкт-Петербурга. Царил хаос. Из Тифлиса больше не ходил прямой поезд, на котором раньше можно было добраться до Санкт-Петербурга за несколько дней. Предстояло разбить путь на короткие отрезки. И вот однажды вечером, держа в руке билет первого класса, вместе с матерью я ждал поезд, который должен был доставить меня в Баку — первый пункт назначения.

Поезд прибыл достаточно поздно. Вагоны всех классов были переполнены, и мы безуспешно пытались найти мне место. Наконец, молодая девушка предложила мне присесть на ее полку. Мама немногого успокоилась, мы простились. Мы легли вагетом и очень хорошо выспались. На следующий день я узнал, что у девушки был билет второго класса. Днем мы приехали в Баку. Там я нашел поезд, который шел в Ростов. Пассажиров было не так много, и я быстро нашел свободное место. Переезд в Ростов прошел в нормальных условиях, правда, на подножках поезда ехали солдаты 204-го пехотного полка, которые возвращались в свою часть, расположенную в Батуми. В самом Ростове уже ощущалась смута. Я решил поехать в Москву через Воронеж и Рязань. На вокзале в Ростове я встретил семью Паркау, родителей жены Павла Фадеева — немцев по происхождению¹⁰.

¹⁰ Петр Фридрихович (Федорович) и Софья Федоровна фон Паркау, родители Софьи Петровны Фадеевой. Они также были связаны с Карсом, поскольку в 1908—1912 гг.

Наша встреча была очень короткой, вместе мы ехать не могли. Переезд из Ростова в Москву был достаточно тяжелым, поезд постоянно останавливался. Пассажиры сходили и садились, когда им хотелось. На станции Грязи мы увидели эшелон военной техники, переброшенный из Туркестана. Я приехал в Москву на третий день. Вечером из Москвы отправлялся поезд до Санкт-Петербурга. Я провел день, гуляя по Москве, — уже были видны первые раненые.

На следующий день я наконец увидел свою семью. Ася была в подавленном состоянии: не было новостей от мужа, который состоял в рядах армии, окруженному немцами. <...>

...Мало-помалу мы приспособливались к войне. Павел Фадеев был на фронте — со своими автомобилями. Павел Шишков заканчивал учебу¹¹. Я вернулся в училище — в конце года мне предстояло сдать выпускные экзамены [Рук. Л. 19—20].

Последний год пребывания в Николаевском инженерном училище заставил В. Д. Костомарова на многое посмотреть по-другому. Переворот, который произошел в феврале 1917 г., обитатели Михайловского замка наблюдали из окон, поскольку «занятия продолжались несмотря на все события» [Рук. Л. 26]. Однако выпускник не мог не придавать значения переменам, ведь он готовился

генерал фон Паркау был военным губернатором Карской обл. В том, как мемуарист подчеркивает их принадлежность немецкой нации, выразилось особое антигерманское настроение периода начала войны, которое испытывали на себе все «русские немцы». В действительности же эта семья не была чисто немецкой, так как Софья Федоровна фон Паркау происходила из старого дворянского рода Щербачевых.

¹¹ Двоюродные братья В. Д. Костомарова. Павел Семенович Фадеев — сын генерала С. А. Фадеева и О. П. Фадеевой (урожд. Шатиловой), незадолго до начала войны получивший назначение во вновь образованную военно-автомобильную школу в Петербурге; Павел Александрович Шишков — сын военного врача А. С. Шишкова и Н. П. Шишковой (урожд. Шатиловой), в этот период выпускник Кораблестроительного и воздухоплавательного отделения Санкт-Петербургского Политехнического института, в дальнейшем — служащий военно-морского ведомства, инженер-гидроавиатор, изобретатель.

к службе и всерьез задумывался о последствиях происходящего для армии. К этому времени он уже определился с местом своего назначения: выбрал Кавказский фронт и надеялся поступить в 1-й инженерный батальон Кавказа.

...Моя учеба приближалась к концу. 1 августа¹² было уже близко. Радость от получения воинского звания была не совсем полной, так как дисциплина в армии слабела. Я с удивлением заметил, что однажды сам ответил офицеру, командовавшему стрельбой, так, как не ответил бы раньше. <...>

Вся семья, включая отца, собралась в Санкт-Петербурге по поводу моего окончания училища. Отец покинул Карс, так как был назначен председателем комиссии по приемке боевой техники в Лондоне. Его дух был настолько поколеблен событиями, которые мы переживали, что он спешно уехал из России. Это было очень неожиданно для нас.

Наконец пришел день, когда я в первый раз надел офицерскую форму и получил первое жалованье, назначенное училищем. У меня было право на короткий отдых, и я пригласил брата и сестру съездить на водопад Иматры в Финляндию. Мы расположились на ночлег прямо рядом с водопадом — шум воды почти не мешал нам, со временем его совсем перестаешь замечать. На обратном пути мы навестили нашего дядю Володю¹³, который скучал в финском лесу по своей былой жизни командира. Старые вояки не предполагали тогда, что их вскоре ожидало.

Спустя несколько дней после нашего возвращения в Санкт-Петербург я простился с матерью (отец мой был уже в Лондоне), сестрой и братом и вернулся в Тифлис. Покидая их, я не знал, что никогда больше их не увижу [Рук. Л. 27].

¹² 1 августа 1917 г. В. Д. Костомаров окончил курс инженерного училища и получил чин подпоручика.

¹³ Владимир Павлович Шатилов — генерал. Во время Первой мировой войны принимал участие в боевых действиях, но 15 апреля 1917 г. был уволен со службы по болезни. После Октябрьской революции уехал на Кавказ, где примкнул к Белому движению. После поражения белых армий эмигрировал в Югославию. Умер 28 ноября 1928 г. в Белграде, похоронен на русском воинском кладбище. Могила сохранилась.

Настоящие боевые испытания Виктора Дмитриевича были впереди, а пока он получил назначение в Эрзинджан, где должен был явиться на службу в 1-ю роту 1-го инженерного батальона Кавказа. Дорога туда, да и короткий эпизод службы стали для начинающего самостоятельную жизнь офицера вполне мирным опытом. Молодой человек получил возможность присмотреться к сослуживцам и солдатам, к обстоятельствам трудной службы в условиях горного климата.

...Поскольку Кавказская армия находилась далеко от России, ее почти не коснулась политическая пропаганда и дисциплина была безупречная. Я время от времени навещал своих солдат и даже рассказывал им о Французской революции. Они были словно дети, которым дашь игрушку, а они не знают, что с ней делать.

В один из первых же дней я решил подняться на плоскогорье. Меня предупредили, что на плато свирепствовала жестокая буря. Мне дали солдата-проводника, и мы отправились. Подъем длился два часа. На плато буря была такая, что мы ничего не видели на расстоянии двух шагов. Мой проводник заметил батарею, охранявшуюся часовым в шубе. В этих условиях я отказался от своей идеи, и мы спустились обратно. Несколько дней спустя я поднялся на плоскогорье снова. Погода была превосходная. Снег сверкал на солнце, придавая пейзажу особый оттенок. Я посетил одного из командиров и рассказал ему о своих приключениях. «Что интересного в этой снежной буре, — сказал я, — так это то, что отсутствует риск атаки со стороны противника». Он ответил мне: «Вы заблуждаетесь. Это как раз самая благоприятная погода, а с хорошим проводником — идеальная погода».

Сейчас я думаю над этой фразой, которая приобрела пророческий характер, так как Сталинградская битва прошла в очень похожих условиях: обширная равнина, континентальный климат. Если русские смогли ударить по тылу врага под прикрытием снежной бури, эти рейды, возможно, и решили исход сражения. Если муж Аси, которому в это время должно быть 60 или 65 лет, участвовал в этой битве, у него

была возможность отомстить за поражение, которое он потерпел в 1914 году [Рук. Л. 29—30].

Поразительно, но спустя столько лет, будучи вдали от родины, Виктор Дмитриевич думает о том, как его первые военные наблюдения могли пригодиться во время новой мировой войны, которую он встретил, уже будучи человеком вполне мирной профессии — инженером. Он мысленно вступает в разговор со своими друзьями и родственниками, оставшимися в Советской России. Этот фрагмент воспоминаний не может не взволновать тех, кто знает обстоятельства жизни близких В. Д. Костомарова людей, ведь к моменту решающего наступления русских войск под Сталинградом ни Бориса Николаевича, ни Анны Семеновны Балабиных в живых уже не было. Борис Балабин, преподававший в Артиллерийской академии РККА им. Дзержинского, умер в 1936 г., по всей вероятности, не выдержав страшного прессинга, которому подвергались офицеры Красной армии «из бывших», а Аси не стало уже в годы войны. Она и ее младший сын Николай умерли от голода в блокадном Ленинграде, в апреле 1942 г. Так Виктор Дмитриевич пережил друзей своей юности.

Как человека, ставшего очевидцем двух мировых войн и хорошо осознавшего их неразрывную связь, В. Д. Костомарова не может не волновать тема побед и поражений русской армии в этих войнах. Вот что он пишет об ослаблении боевых сил летом 1917 г., когда хорошо подготовленные кадровые офицеры ничего не могли сделать с не желавшими воевать солдатами, охотно поддававшимися разлагающей пропаганде антипатриотических сил, и о том упорстве, с которым такие же солдаты будут воевать в годы Великой Отечественной войны.

Предпринятые наступления в течение лета были непродолжительными из-за того, что армия теряла боеспособность. Любопытно осознавать, что тот же народ 24 года спустя проявил такую храбрость и стойкость в борьбе с армией, более могущественной, чем немецкая армия 1917 года. Это невозможно объяснить жестокостью, проявленной немца-

ми на оккупированной территории, как был склонен думать мой брат¹⁴. Я уверен, что произошли изменения в менталитете всего народа. Коммунистическая партия, которая поставила на карту всё, также способствовала усилению духа сопротивления [Рук. Л. 27].

Первая мировая закончилась для В. Д. Костомарова внезапно. В конце 1917 г. Русская армия на Кавказе вышла из войны и по условиям переговоров с Турцией должна была освободить оккупированные территории. Офицеры покидали места своей службы. Из Эрзинджана, через Эрзерум и Сарыкамыш, Виктор Дмитриевич добрался до взбудораженного Тифлиса. Грузия объявила независимость, командования практически не было. В марте 1918 г. В. Д. Костомаров был демобилизован.

* * *

События Первой мировой войны нашли отражение в воспоминаниях еще одного интересного мемуариста — Софии Федоровны Шатиловой (27.01.1887 — 05.03.1983)¹⁵. Одна из героинь повествования Виктора Дмитриевича Костомарова — *«tante Sonia»*, как он называл ее, чтобы дочери сразу узнали в его рассказе свою ближайшую русскую родственницу, в доме которой часто бывали, — она вместе с мужем, Павлом Николаевичем Шатиловым, прошла сложный путь Гражданской войны и эмиграции. В Тифлисе, а позднее Царицыне, Севастополе, Константинополе, Сремских Карловцах и, наконец, в Париже В. Д. Костомаров был постоянно связан с семьей двоюродного брата и его жены, чувствовал в них свою опору.

Знакомство с воспоминаниями С. Ф. Шатиловой стали настоящим событием для меня и моих близких, поскольку о ней, человеке очень уважаемом в русской эмиграции¹⁶, младшее

¹⁴ Имеется в виду Павел Николаевич Шатилов.

¹⁵ О деятельности С. Ф. Шатиловой (урожд. Фортвенглер) сообщают справочные издания [Незабытые могилы 2007, 309, Российское зарубежье во Франции 2010, 516].

¹⁶ Сошлились в этой связи на приветственные слова в честь ее девяностолетия в журнале «Часовой» (1977, № 605), в котором ее — «Белую даму» — чествуют как общественного деятеля Белого движения.

поколение той части семьи, которая оставалась в России, к сожалению, ничего не знало. При всей фрагментарности написанных Софьей Федоровной мемуаров ее рукопись рассказала многое о ее жизни: и о годах детства и ученичества в Ксениевском институте для полусирот в Петербурге; и о поездках на каникулы в город Петроков Царства Польского, где служил ее отец и где она познакомилась со своим будущим мужем — гвардейским офицером, слушателем Академии Генерального штаба, также приезжавшим на каникулы к родителям. Однако особенно ярко пишет мемуаристка о Гражданской войне, новороссийской эвакуации и крушении яхты «Колхида», на которой она вместе с матерью мужа направлялась в Варну; о возвращении из Константинополя в Севастополь; об эвакуации из Крыма и, наконец, об обстоятельствах жизни в эмиграции.

Воспоминания С. Ф. Шатиловой вызвали интерес в эмигрантской периодике. Так, небольшой фрагмент ее записок, относившийся к периоду Гражданской войны, был опубликован в журнале «Часовой» [Шатилова 1973]¹⁷. Однако эта публикация, к сожалению, не позволяет не только понять общий замысел автора воспоминаний, но и почувствовать по-настоящему яркий характер этой сильной и решительной женщины, подлинной представительницы военной династии, жены русского генерала.

Свои записи Софья Федоровна не рассматривала как документ для семейного архива. Детей у нее не было. Мне не известны подробности ее жизни в момент создания воспоминаний, но почти очевидно, что работу над рукописью она начала, пережив несколько потерь. В мае 1962 г. ушел из жизни ее муж. Незадолго до его кончины не стало неизменного помощника и друга их семьи Ивана Максимовича Ерофеева, который прожил в семье Шатиловых свыше 40 лет и был для Софьи Федоровны опорой во многих делах. Круг близких людей делался всё более узким.

Сама С. Ф. Шатилова связывает работу над воспоминаниями со смертью еще одного глубоко ценимого и уважа-

емого ею человека, памяти которого и посвящает свои записки. Это баронесса Ольга Михайловна Врангель, ушедшая из жизни 8 сентября 1968 г. Совместная благотворительная деятельность, которую жены военачальников считали своим прямым долгом, соединила их еще в Севастополе, куда они прибыли против воли своих мужей и где развернули активную работу по организации детских приютов и по сбору средств в помощь инвалидов и раненых. «Кончина баронессы Врангель побудила меня взяться за перо и вспомнить как события моей юности во времена ушедшей эпохи, так и, особенно, многие события во время Гражданской войны, когда мне приходилось, занимая известное положение, переживать исключительно интересные события и встречать интересных людей», — так сформулирует мемуаристка свою программу [Рук. Л. 2].

И действительно, воспоминания С. Ф. Шатиловой — это, главным образом, галерея портретов дорогих ее памяти людей, среди которых не только попечительница ее института, великая княгиня Ксения Александровна, за годы учебы ставшая родным человеком для своих воспитанниц, и родители мужа, о которых С. Ф. Шатилова пишет охотно и с неизменным почтением. Есть в этой галерее и деревенская девушка-сирота Таня, пришедшая в штаб главнокомандующего вблизи Царицына с просьбой «взять ее с собой и не оставлять у большевиков» [Рук. Л. 15]. Вынужденный уход из России сделает Софью Федоровну и Таню очень близкими людьми, их дружба не прервется даже с переездом Тани в Америку, куда семья ее новых хозяев уедет незадолго до оккупации Парижа немецкими войсками. Отдельная глава воспоминаний посвящена Ивану Максимовичу Ерофееву, в годы Гражданской войны служившему в штабе генерала Врангеля, а в эмиграции ставшему опорой скромного парижского пансиона Софии Федоровны.

На первый взгляд, воспоминания С. Ф. Шатиловой могут показаться пестрой вереницей лиц и событий. Вероятно, этого немного опасалась и сама мемуаристка: «*Мои воспоминания не будут носить последовательный и регулярный характер, потому что часто даты происшедших событий и имена*

¹⁷ Эта публикация упомянута в библиографическом своде [Россия и российская эмиграция 2004, 127 (№ 2618)].

людей улетучились из моей памяти, — объясняет она, — это будут скорее иногда красочные эпизоды, которые наиболее ярко запечатлелись в моей памяти [Рук. Л. 2].

Первой мировой войне С. Ф. Шатилова уделяет очень небольшое место, поскольку ее жизнь на тот момент еще не была так тесно связана с действующей армией. Она продолжала жить в семье мужа в надежде, что здравый смысл победит и мир будет восстановлен. В этом плане весьма показательно то, как мемуаристка описывает начало войны:

...Тревожные дни перед объявлением войны мы провели в Гатчине на даче. Все были уверены, что войны не будет. Мой муж, безотлучно находившийся в Главном управлении Генерального штаба, телефонировал нам накануне объявления войны последнюю новость о том, что Государь лично послал письмо Императору Вильгельму и что это утешительный симптом. Но немцы готовились к войне сорок лет, и она была объявлена. Война определила нашу дальнейшую судьбу: революция, Белая борьба и эмиграция [Рук. Л. 40].

Уже знакомые нам реалии дачной предвоенной жизни вполне узнаваемы. Однако не надо думать, что Софья Федоровна уже тогда не была способна к поступку, достойному жены боевого офицера. Напротив, по первому зову мужа она была готова выехать в действующую армию, чтобы доставить из дома необходимые ему вещи. При этом для нее было совершенно ясно, что такое путешествие может быть связано с риском для жизни.

В этом смысле весьма красноречива глава, которую мемуаристка назвала в своих воспоминаниях «Лейб-медик Боткин» и которая в действительности посвящена не войне, а неожиданной дорожной встрече. Однако событийный фон этой небольшой новеллы погружает нас в атмосферу прифронтового города, каким была в то время Варшава. Ночной обстрел, вокзальная сумятица, хлопоты отца и прощание с раненым мужем, который должен вернуться в свою дивизию, — всё это делает рассказ Софии Федоровны чрезвычайно выразительным с точки зрения психологического проживания ситуации.

Грянула война, и мой муж, служивший в Главном управлении Генерального штаба, получил назначение в Штаб Юго-Западного фронта к генералу Алексееву¹⁸, откуда вскоре был командирован в распоряжение командира Сводного Кавалерийского корпуса генерала Новикова, где получил назначение начальника Штаба 8 кавалерийской дивизии.

Я жила в Петербурге и осенью 1914 года неожиданно получила телеграмму от мужа с просьбой приехать в Варшаву и привезти теплые вещи. Я немедленно выехала в Варшаву, где в это время находился мой отец после эвакуации Петроковской губернии¹⁹. В указанной мне в телеграмме гостинице я встретила моего отца, несколько встревоженного окружающей обстановкой. Вскоре появился и мой муж. Шея у него была забинтована, и он не мог свободно двигать головой: я узнала, что в кавалерийском столкновении с немцами он был ранен в шею шрапNELЬНОЙ пулей, что бой окончился в нашу пользу и что он не известил меня об этом неопасном для жизни ранении, чтобы напрасно не тревожить меня. Позже за это удачное дело он как начальник Штаба кавалерийской дивизии был награжден золотым оружием, предметом его всегдашней гордости. Мой муж объяснил мне, что, к сожалению, он меня неудачно вызвал, что положение на фронте очень тревожное, что немцы наступают на Варшаву, что эвакуация города, где уже заметна тревога, в полном разгаре и что не позже завтрашнего утра я должна возвращаться в Петербург.

Ночью, в гостинице, я проснулась от бомбардировки Варшавы немецкими аэропланами, что я испытывала впервые. Я поскорее разбудила мужа, но он старался меня уверить, что это лишь хлопают дверьми, и, повернувшись на другой

¹⁸ Михаил Васильевич Алексеев — генерал. С начала Первой мировой войны начальник штаба Юго-Западного фронта, с весны 1915 г. командовал Северо-Западным фронтом. С августа 1915 г. — начальник штаба верховного главнокомандующего. Сыграл заметную роль в отречении Николая II. В марте — мае 1917 г. — верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции участвовал в создании Добровольческой армии, весной 1918 г. стал ее верховным руководителем. Умер в Екатеринодаре в том же году.

¹⁹ Федор Эрастович Фортвенгер — генерал, вице-губернатор Петроковской губ. Царства Польского в 1905—1917 гг.

бок, преспокойно заснул. Оказалось, что за всё свое пребывание на войне он первый раз спал на настоящей кровати. На другой день утром мы были уже на станции.

Петербургский поезд был переполнен, и в нем не было ресторана. Мой муж побежал покупать для меня необходимое в пути продовольствие, а мой отец стал искать для меня место. Все купе были заняты, а около одного закрытого стоял офицер и всем говорил, что оно занято... Но мой отец всё же обратился к нему и спросил, не найдется ли в этом закрытом купе хотя бы лишь одно место. Дверь открылась и появившийся в ней солидный господин в военной форме спросил моего отца, для кого он ищет место, и узнав, что для меня, любезно предложил мне устроиться в отведенном ему купе. Возвратился мой муж с пакетами и, оставив их, сказал, что сейчас отходит его поезд, шедший на фронт, быстро распрощался со мной и ушел. Наш поезд тронулся. Разлука с мужем, который раненный уехал снова на фронт, а также с отцом, ночная бомбардировка и вся окружающая тревожная обстановка подействовала на мои нервы, и я горько заплакала. И вот я оказалась одна в купе с незнакомым мне человеком. Мой спутник не старался меня утешить и дал мне время выплакаться. Прошло некоторое время и он, обратившись ко мне, сказал: «Я видел, что Вам принесли много продуктов, а я очень голоден, и я был бы Вам признателен, если бы Вы меня накормили». Я встрепенулась и занялась разборкой своих пакетов и приготовлением бутербродов. Позже я увидела, что это был умышленный маневр, чтобы отвлечь меня от моих грустных мыслей, и тут невольно начался взаимный обмен пережитыми нами впечатлениями. Незнакомец рассказал мне, что приехал разыскивать своего раненного сына и, к его великому горючению, его не нашел.

В этот период времени я была серьезно больна. У меня были некоторые непрекращающиеся явления нервного характера: я плохо спала, и это было начало моей бессонницы, которой я страдала и до сих пор. Мой собеседник заинтересовался, к каким врачам я обращалась, какие лекарства я принимаю и как они на меня действуют. К моему удивлению, он знал всех этих петербургских докторов — одних я хвалила, а других порицала. Он мне порассказал о некоторых очень грустных обстоятель-

ствах своей жизни и прибавил, что среди всех его тяжелых переживаний его спасло то обстоятельство, что он был близок к одной замечательной семье, причем он с таким чувством говорил об этой семье, что я помимо своей воли спросила его, а кто же эта семья. Может быть, это было с моей стороны неделикатно, но обстановка располагала к откровенности. Он задумался и после долгого молчания сказал: «Это семья Его Величества». Я невольно воскликнула: «Боже мой, кто же Вы?». Он мне ответил: «Я лейб-медик Боткин». «Забудьте всё, что я Вам говорила о докторах», — сказала я. И если между нами до этого момента создалась известная близость, то, к моему удивлению, теперь она еще усилилась.

Наш поезд шел с большими остановками, его направили в Петербург круговым путем через Москву, и эти часы, проведенные с этим очаровательным человеком, таким деликатным, остались в душе моей неизгладимый след. В Барановичах мы расстались и очень тепло прощались. «Впрочем, — сказал он, — я еще вернусь на минутку к Вам». И через некоторое время он принес мне несколько пакетов с курицей, пирожками и прочим и, улыбаясь, сказал: «Это Вам на дорогу, так как я совершенно опустошил Ваши продовольственные запасы».

Много позже, когда я узнала, что совершилось неслыханное зверское преступление в Екатеринбурге и что лейб-медик Боткин погиб вместе с Царской Семьей, то не одна слеза скатилась из моих глаз [Рук. Л. 12–14].

* * *

Годовщины исторических событий — замечательный повод обратиться к воспоминаниям очевидцев. В последнее время с ростом интереса к устной истории, семейной памяти и автобиографическим нарративам (см., например, [Разумова 2001, Сапогова 2006]) у нас в стране таким поводом часто становятся годовщины, связанные с событиями Великой Отечественной войны. Сошлемся хотя бы на сборник [Из первых уст 2010]. Очевидно, что и в отношении Великой войны 1914–1918 гг. что-то постепенно начинает меняться. Об этом свидетельствует идея отметить столетие ее начала юбилейными конференциями, выставками, новыми книгами и ка-

талогами фотоматериалов. Возможно, откликнутся на это событие и коллеги-фольклористы, ведь до настоящего момента публикаций, в которых ожидают свидетельства участников этой войны, было ничтожно мало. Правда, приходят на память подготовленные А. В. Кулагиной выдержки из памятной книжки Афанасия Ивановича Скрябина, 1878 г. р., старшего унтер-офицера 12-й роты 212-го пехотного Романовского полка, в которых кратко описаны обстоятельства мобилизации и окопной жизни, а затем пребывания в германском плена [Кулагина 2008, 317–320]. Надеюсь, что в фольклорных архивах еще обнаружатся такого рода материалы.

Многомерность такого сложного, полного противоречий события, как война, делает чрезвычайно ценным любое свидетельство²⁰. Только рассказы очевидцев способны восстановить подлинную стереоскопию происходившего тогда, не говоря уже о том, что только так можно узнать народный взгляд на историю, альтернативный зафиксированному официальной, зависимой от политических оценок историографии. Представленные мною материалы из семейного архива, надеюсь, можно рассматривать как шаг в этом направлении.

Литература

Из первых уст 2010 — Из первых уст: Великая Отечественная война глазами очевидцев / рук. проекта А. С. Каргин; сост. А. В. Кулагина, Л. Ф. Миронихина, Г. Шепелев.. М., 2010.

²⁰ Интересно, что и в финской фольклористике изучение устной истории (= коллективной памяти) началось в середине 1960-х гг. также с записи воспоминаний о военных событиях — Финской гражданской войне 1918 г. (об этом: [Хаккамies 2004, 87–88]). При этом финские исследователи проводили четкую грань между письменными воспоминаниями сторонников Белого движения, долгое время считавшимися в их стране источниками достоверной, официальной истории войны, и устными повествованиями рабочих, в которых сохранилась точка зрения красных на происходящее. Именно в этих устных рассказах поздние интерпретаторы увидели «попытку нейтрализации одностороннего показа войны» [Там же, 92].

Костомаров 2007 — Костомаров Д. П. В ряду поколений // Новый мир. 2007. № 7. С. 135–155.

Костомаров 2011 — Костомаров Д. П. В ряду поколений. Рассказы и очерки. М., 2011.

Кулагина 2008 — Кулагина А. В. «Невыносимый голод...» (из дневника костромского крестьянина) // Традиционное русское застолье: Сб. статей. М., 2008. С. 314–322.

Незабытые могилы 2007 — Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–2001: в 6 т. Т. 6. Кн. 3. М., 2007.

Разумова 2001 — Разумова И. А. Потенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Российское зарубежье во Франции 2010 — Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. А. Мнухина, М. Б. Авриль, В. К. Лосской. Т. 3: С—Я. Дополнения. М., 2010.

Россия и российская эмиграция 2004 — Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Анnotatedный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: в 4 т. Т. 2. М., 2004.

Сапогова 2006 — Сапогова Е. Е. Событие в структуре биографического текста // Культурно-историческая психология. 2006. № 1. С. 60–64.

Хаккамies 2004 — Хаккамies П. Устная история — новая парадигма в финской фольклористике // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный энтитет этноса. Вып. 2: Материалы российско-финского симпозиума 20–21 ноября 2003 г. в Архангельске. Архангельск, 2004. С. 86–93.

Шатилов 1965 — Шатилов П. Н. Семейная хроника // Военно-исторический вестник (Messager de l’Histoire Militaire). [Париж], 1965. № 25. С. 29–32; № 26. С. 3–9; № 27. С. 3–8.

Шатилов 2010 — Шатилов П. Н. Семейная хроника / публ. Д. П. Костомарова // Родина. 2010. № 6. С. 12–13; № 7. С. 76–78; № 8. С. 35–37; № 9. С. 103–104; № 10. С. 25–28.

Шатилова 1973 — Шатилова С. Ф. Из воспоминаний в период Гражданской войны // Часовой. [Брюссель], 1973. № 568. С. 17–19.

Summary: The article deals with the research of autobiographical notes as an important cultural and historical source. The events of the World War I are considered on the basis of the Shatilovs-Kostomaros family archive.

Key words: family memory, autobiographical narrative, the World War I (the Great War).